

ПОЛЕТ НАД СТРАХОМ

1. _____
Январь 2014

В Украине противостояние режиму Януковича набирает силу. Не ослабевает Майдан, в регионах протестующие захватывают здания местной администрации; некоторые области уже объявили о неподчинении Киеву.

Гражданской войны не будет — пишут из Киева, — потому что нет глубокого противостояния внутри общества; мало кто станет биться за эту власть.

Одни обвиняют россиян в равнодушии к украинской драме; другие пеняют американцам и Европе за отсутствие реальной поддержки.

В политике события идут стремительно; дела двухмесячной давности — уже глубокая история. Через два месяца после встречи ЕС с лидерами стран «Восточного партнерства» в Вильнюсе, на которой Янукович неожиданно дал по тормозам, в Брюсселе прошел отложенный из за взаимных неудовольствий 32-й саммит ЕС–Россия.

Усеченный саммит, однако, закончился безрезультатно. В дипломатии редко говорят прямо, слишком сложна и порой трудноопределима материя противоречивых интересов. Окольно, обиняками, косвенно, намеками и полунамеками иногда можно сказать гораздо больше.

Похоже, что Путин «по очкам» одержал дипломатическую победу. Правда, победа ли это, станет ясно только со временем. В прошлом остались, надо полагать, не самые умные заявления, что только с суверенными странами — и никак не с третьими — «еврокомиссары» намерены обсуждать взаимные отношения. Теперь согласились: проблемы восточного партнерства следует обсуждать и с Россией.

Ж.-М. Баррозу: «Мы договорились, что нужно вести двусторонние консультации на уровне экспертов по соглашениям об ассоциации в рамках восточного партнёрства. На пресс-конференции президент ЕС Х. Ван Ромпей неожиданно для многих сказал еще конкретнее: «Что же касается соглашений об ассоциации, включая соглашения о свободной торговле между ЕС и партнёрами — например, Молдовой или Грузией, или Украиной, то они **полностью совместимы** с существующими у России торговыми договорённостями с этими странами. Возможно **конструктивное взаимодействие таких договорённостей с Таможенным союзом**, если будут соблюдаться правила ВТО и будет гарантирована свобода принятия решений».

Похоже, что всерьез из-за Украины Евросоюз конфликтовать вовсе не хочет — разве только если Москва не принудит его к этому. Вспомнили даже Соглашение о Партнерстве и сотрудничестве (СПС) 1994 года (базовый договор 1994 года, ратифицированный в 1997-м, срок действия которого уже семь лет как истёк). Нового же, всеобъемлющего соглашения обе стороны достичь пока не торопятся — из-за усилившихся сомнений в цивилизационном выборе России («Надо ли так уж сблизиться с этой упаднической Европой?» — у нас; и «Надо ли идти на поводу у этой авторитарной России?» — у них). На следующем саммите (который состоится летом в Сочи) может быть, о новом соглашении, пойдет речь, — сказал Баррозу (это было преподнесено как стимул: мол, если будете хорошо себя вести в украинском вопросе). Ж.-М. Баррозу терпеливо напомнил, что

«верховенство права — это тоже важный элемент наших взаимоотношений». Это, видимо, к тому, что в новой парадигме российской политики внутренние законы объявлены более важными, нежели международные соглашения.

По поводу главной путинской идеи о «создании единого экономического и гуманитарного пространства от Лиссабона до Владивостока» Баррозу высказался довольно снисходительно: «Это может показаться мечтой, но мечты порой осуществляются». Помнил, но довольно неловко: «Для осуществления этих стратегических целей ключевым элементом является восточное партнёрство». Заверил: дескать, «партнёрство... преследует конкретные позитивные цели, с тем чтобы страны, наши соседи, стали более процветающими, чтобы их граждане жили лучше. А это может быть только на пользу другим нашим партнёрам и уж никак не может повредить России...» (Проблема в том, что Путин так не считает.)

Про Украину Баррозу под конец сказал: «Считаю, что в интересах России и ЕС содействовать стабилизации ситуации, опираясь на принципы правового государства, соблюдение прав человека, поскольку отсутствие закона, порядка и свободы никому не пойдет на пользу».

Путин, однако был на редкость миролюбив. Сказал, что **максимально откровенно** поговорили по ключевым вопросам двусторонней повестки дня. Сообщил, что здесь обсудить стратегические цели и задачи нашего взаимодействия, в том числе **перспективы создания единого экономического и гуманитарного пространства — от Лиссабона до Тихого океана**. Напомнил, что, «несмотря на неблагоприятную международную экономическую конъюнктуру, наш взаимный товарооборот продолжает расти. В позапрошлом году у нас была рекордная цифра товарооборота — 410 миллиардов долларов. Я думаю, что по результатам 2013 года мы этот рекорд превзойдём».

Путин оперировал фактами: «Россия, как известно, — ведущий поставщик углеводородов на рынок Евросоюза: доля нашего газа в топливном балансе составляет 24 процента, нефти — 27 процентов... Россия и ЕС тесно взаимодействуют в инвестиционной сфере. Более 60 процентов российских зарубежных инвестиций приходится именно на страны Евросоюза, наши компании вложили в ЕС порядка 80 миллиардов долларов. В свою очередь, европейские компании — ведущие инвесторы в российскую эконо-

мику: объём их инвестиций составил 288 миллиардов долларов». С этим было трудно спорить. Похоже, президент РФ воспринимает европейскую риторику — о приоритете права, общечеловеческих ценностях, права человека, свободного рынка, о демократии.

Баррозу даже чуть приоткрылся из-под дипломатических доспехов: «Мы не можем делать вид, что всё в порядке, когда это не совсем так. ...Мы привержены поиску этих решений, но в то же время у нас разное понимание, разные концепции в том, что касается торговли, энергетики и т.д. У вас своё понимание, но наше понимание не дискриминационное...»

Путин в роли глобального реформатора, предлагал «ставить более крупные, более амбициозные задачи. Одна из них — сопряжение европейского и евразийского интеграционных процессов. Убеждён, между этими процессами нет абсолютно никаких противоречий. Обе интеграционные модели построены на схожих принципах и опираются на нормы Всемирной торговой организации и могли бы эффективно дополнить друг друга, способствовать росту взаимного товарообмена... **В качестве конкретной идеи мы предложили руководству Евросоюза изучить возможность формирования зоны свободной торговли между ЕС и создаваемым Россией, Белоруссией и Казахстаном Евразийским экономическим союзом**».

Конечно, В.В. Путин понимает, что прагматичные и погруженные в скучную конкретику партнеры вряд ли всерьез откликнутся на его захватывающие дух предложения: «Хотя реакция нам была заранее известна: ещё много проблем, которые нужно обсуждать на экспертном уровне, на техническом уровне ещё много вопросов обсудить...» Это всё так, всё правильно, мы это понимаем, но думать об этом, мне кажется, можно уже сейчас».

И тут мы не можем не согласиться. «Вестник Европы» долгие годы, в сущности, ведет этот диалог. И было бы дальновидно расширять его на всех уровнях. Для нас идея Единой Европы — от Лиссабона до Тихого океана (а дальше — кольцо свободных демократий Северного полушария, важнейшей частью которого стала бы и Россия) — эту идею лелеял еще Егор Гайдар, и которую мы считаем ее не политической конъюнктурной, а исторически генеральной идеей. Но «широк русский человек», для европейцев — слишком широк. Не хватает у них воображения, никак они не могут представить себе единого пространства ни с «последним диктатором Европы», ни с опричны-

ми установлениями московитов, ни с ханствами новых чингисидов, считающих либеральные ценности пагубным наваждением.

Может быть, поэтому так остро воспринимается драматическая ситуация в Украине, проходящей переломную стадию своего развития.

По поводу Украины Путин высказался однозначно: *«Мы с нашими партнёрами на Украине, кто бы ни возглавил украинское правительство, будем продолжать вести диалог»* (kremlin.ru).

Будущее Украины сейчас решается в самой Украине, в Киеве, а вовсе не в чужих столицах. Никому нет особенного дела до украинской смуты. И пока никто слишком уж активно не вмешивается, не жаждут вмешиваться и другие, понимая, что ни Европа, ни Россия, ни Америка не решат проблем украинской экономики. Равно как и украинской государственности. И не дай Бог никому слишком уж здесь активничать... Это дает огромный шанс украинскому народу переустроить свою государственность, свою конституцию так, как он сможет и понимает: в пользу ли усиления Верховной Рады или президентской власти. Проводить ли новые выборы по новой формуле; дать ли большую самостоятельность регионам для широкого местного самоуправления, что, как показывают события здесь, в отличие от России, работает.

* * *

«Да кто там в Европе Украину ждет!?» — вот главный тезис противников евроинтеграции.

И банальное открытие, что некоторые «и там ровнее других», не столь уж оригинально, как может показаться. Да везде и всюду так оно и есть. Есть «отличники», а есть «двоечники». При каждом деле есть случайный мальчик, но этот факт не исключает того, что при каждом деле есть и мастер.

В Англии можно услышать нелюбимое мнение о немцах или французах; в Чехии — о немцах, в Польше — о литовцах и т.д. Но строительство Европы — это огромная историческая задача, в которой без России никак не обойтись. В Европу? Да это здесь, в России, мы должны захотеть жить по законам, а не по произволу начальства, власть выбирать, а не принимать как судьбу; в судах судиться по-настоящему, а не получать заранее проплаченный приговор.

Конечно, цивилизационный выбор Украины и нас очень касается, потому что он опять ставит перед нами вопрос о цивилизационном выборе России. Этот вопрос стоял перед нами в начале 1990-х: куда мы пойдем и к каким целям? Но потом он «замылился»,

исчез в двух Чеченских войнах и спорах про несовершенство либерализма.

А европейцы? Право, смешно на них обижаться. В каждом русском видеть татарина — их давняя привычка. Но что же тут обидного?

* * *

События конца 2013 года, развернувшиеся в Киеве, не могут не вызвать в памяти массовый протест против фальсификации выборов и третьего срока Путина, мощные выступления на Болотной площади и на проспекте Сахарова, незабываемое «Белое Кольцо», чувство единства двухлетней давности.

Мы смотрим на Майдан, на это море объединенных протестом людей. Печально, что кроме нелюбви к своей власти их объединяет нелюбовь к москалям. За это отдельное спасибо и нашим «кудесникам» телепропаганды.

Нам, уже все знающим, так жаль их, наивных. И чего мерзнут на морозе? Онищенко на них нет, позвал бы по домам. Мы-то понимаем, что ничего из этого толковища не получится, что все будет только гаже и хуже, власть и деньги договорятся, как всегда, за счет общества. Что они постараются отомстить по полной — за свой страх, свое унижение, свою немочь.

Пишут: наив! Кому они нужны в этой Европе, где полно безработных, где у молодежи нет перспектив, где только евробюрократы сливаются в объятиях, и то на фотографии, а на самом деле каждый за себя, за свою страну, свою партию, свою провинцию, за свою экономику, за свой лопающийся бюджет... Вы будете там третьесортными, кричат им, наивным, замерзающим на Майдане, а они упрямо орут: «Геть!»

Да не дадут вам там ничего! И на рынок труда не допустят, для своих-то работы никакой нет. И вообще в Европу — это химера, призрак, фата моргана, где были, там и останетесь. В Украине. Они наивные, а мы мудрые, мы сидим по домам.

Как мы завидуем им, не понимающим, что режим — это навсегда; что ярые депутаты — образцы нового Государственного стандарта для всех лояльных граждан. Завидуем им, не верящим, что народное стояние только тогда имеет смысл, когда наверху всё уже решили. Может, они даже знают это, но продолжают стоять. Но за что? Или против чего? Вообще-то понятно — против чего. И я думаю: понятно — за что. Смешно сказать: за то, что только так они чувствуют себя гражданами, от которых на века зависит судьба этой страны, этой родины, этой батькивщины прямо и непосредственно. Может, это и не так, но они

так чувствуют, а когда такое множество людей объединены единым чувством, порою случаются чудеса.

Как 21 августа 1991 года в Москве, когда захватчики власти просто сбежали.

У людей можно отнять очень многое, в том числе и жизнь; двадцатый век вдолбил нам эту истину даже в хромосомы. В них уже заложен этот страх.

Мудрец Григорий Соломонович Померанц, ушедший год назад, в «Записках гадкого утенка» написал, как он, хрупкий очкарик, и другие такие же, выживал на той большой и страшной войне в 41-м: оказывается, потому, что приходит «чувство полета над страхом».

Потому что в какой-то момент человек становится способен подчинить свой природный страх своему собственному, личному, выросшему из души мужеству. И это потом становится самым дорогим, что у него есть.

А. Пионтковский как-то написал, что нужен миллион людей на улице, чтобы все изменить. Майдан показывает, что и этого мало, нужно еще стечение множества обстоятельств, не считая лидеров. Но без полета над страхом — никак.

* * *

2.

Беспокоит, однако, вот что. И даже не некая нервическая атмосфера ГД, похожая на осатанелость; в пору экзорциста вызывать. Нервичность политического органа, законодательного и представительского, в некотором, широком смысле института, не есть физиологическая характеристика составляющих ее персон; нервическое состояние, или даже (если хотите), остервенелость, есть категория политическая, лучше всего отражающая ту неустойчивую политическую атмосферу, которая, как и в природе означает смену даже не погоды, даже не сезонов, а — *смену времен*.

Пытаясь верно угадать (или выполняя предписанный маневр), думцы-инициативщики наперебой предлагают провести одно утеснение за другим.

Вообще эта ГД запомнится, как никакая другая, запретительным законотворчеством, над которым еще долго придется ломать голову следующим составам парламента. Самые возбужденные (или самые пронизательные?) порой проговаривают даже и лишнее: что именно в прессе, в либеральных СМИ окопались истинные противники России; и неважно, какие у них тиражи, важно, что они вместе со своими

сотрудниками, авторами и читателями представляют собой целые сообщества по преимуществу подрывного направления.

Нового тут не много; за благонамеренным духом печати зорко следили и во времена Александра Христофоровича Бенкендорфа, и при Дубельте попечением не ослабли, сам Победоносцев был немало был озабочен этим вопросом, и даже Петр Аркадьевич Столыпин не без подозрения смотрел в сторону либеральствующих изданий.

Присмотр за прессой (а теперь прежде всего — за телеканалами, Интернетом, социальными сетями) — дело в России классическое и как сказал бы Ленин, архиважное — даже важнее, может быть, и предстоящей в Сочи Олимпиады.

Всяческих угнетений прессе ждать не приходится; редакторы особенно в провинции, давно к ним привычны. Кошмарят, проверяют, наезжают, первым делом лишают помещений, аккредитаций, дают на провайдеров, типографчиков, рекламодателей, распространителей. Нагло присваивают себе функции цензуры, прокуратуры и суда, отключают, наплевав на все договоры и интересы потребителей, как недавно было с телеканалом «Дождь». Журналистов избивают, сажают за решетку, а самых упрямых и несгибаемых — просто убивают.

В принципе, нормальный парламент всегда должен защищать права прессы, поскольку исторически они вместе пытаются ограничить права и поползновения исполнительной власти, которая всегда стремится выйти за пределы собственной прерогативы.

В нашем же случае это вовсе не так, поскольку Госдуму трудно рассматривать как самостоятельную ветвь власти; ее хорошо обслуживают, а она хорошо обслуживает Администрацию Президента, так уж было прописано в ранние ельцинские годы. Тогда строители новой государственности это очевидное ограничение прав представительной власти считали временным и неизбежным на период формирования устоев новой, демократической России. Имелось в виду (что и тогда осуждалось многими), что реформаторская исполнительная власть (всенародно избранный президент и его правительство) должна иметь некоторую управу на консервативных депутатов.

Такое было не только в России; в Англии сначала был «Король в совете», потом, с XIV века — «Король в парламенте» — как обобщенное понятие легитимной законодательной власти.

У. Черчилль писал о начале английского парламентаризма:

«Фактические полномочия парламента очень трудно очертить. В широком смысле его согласие необходимо, чтобы санкционировать любой существенный акт власти: значимое изменение в древний обычай может внести только парламент; новый налог может быть введен исключительно с одобрения палаты общин. Что еще будет ему под силу — покажет время» .

Но наша Государственная Дума и в нынешнем виде — очень серьезный институт, заслуживающий отнюдь не насмешек, а опасливого и внимательного отношения и общества и исполнительной власти. Они же нам законы дают, мы ведь о чем мечтаем — что когда-нибудь проснемся в правовом обществе. В правовом обществе, спросят нас, превыше всего что? Правильно, закон. И если вы хотите жить в правовом обществе (Хотим! Хотим!), будьте любезны эти законы соблюдать.

В последнее (и предпоследнее тоже) время мы видим, что исполнительная власть даже вынуждена охлаждать перегретый думский законодательный реактор, возвращать особенно пылкие законотворческие предложения. Нынешняя Дума так разогналась, что держать ее рядом будет трудно даже железной руке нашей верховной администрации.

3. --- ---

Вот еще что тревожит. Где теперь общепризнанные ученые авторитеты, так сказать, властители дум? Нет их. Есть даже люди, против памяти Лихачева, Солженицына, Сахарова высказывающие с ведром дегтя.

Все чаще говорят о том, что настоящие эксперты, высокие профессионалы, яркие личности вовсе и не нужны.

Так же часто и вполне публично говорят о том, что страну надо бы *почистить* (какой бы ужас это не означало) и что сто или двести тысяч изгнанников только бы оздоровили нашу атмосферу. Всё чаще умным и неуживчивым говорят: скатертью дорога! Катитесь, покуда еще открыты границы и нет выездных овировских виз. Так что валите отсюда!

Тридцати-сорокалетние люди, слыша это, всё же не валят (да и куда валить-то?), но со всё бóльшей тревогой думают о будущем — своем и своих детей. Если это умопомрачение чинуш станет политикой, может начаться самовозбуждающийся процесс, как в семидесятые, когда из страны происходил массовый исход евреев — успешных и неуспешных, богатых и бедных, образованных и не очень. Эти люди — два миллиона — уехали из СССР за несколько лет. Это именно они создали из Израиля одну из самых инновационных стран мира. Нам скажут, что сейчас для массового исхода интеллигенции (назовем так условно группу образованных и не лишенных гражданского чувства людей) нет другого Израиля. Нет, а если, не приведи Бог, появится? Европа, например (во что верится с трудом) примет такой акт? Или какая-нибудь Австралия?

Тогда этот поток, раз возникнув, может стать не-удержимым, и Россия может остаться, как некоторые наши среднеазиатские соседи, без высококвалифицированного сословия. Как же быть тогда с пространством — от Лиссабона до Владивостока?

Виктор Ярошенко

